
S 44/428

2007050172

ИЗМѢНЕНІЕ

ПАТРІАРШАГО УПРАВЛЕНІЯ

ВЪ РУССКОЙ ЦЕРКВИ НА СѴНОДАЛЬНОЕ.

На востокѣ — въ Церкви греко-восточной имя и достоинство патріарха появились въ раннія времена христіанства (если не въ IV вѣкѣ, какъ думаютъ нѣкоторые, то несомнѣнно въ V вѣкѣ) (¹) и при всѣхъ бѣдственныхъ переворотахъ, испытанныхъ Церковію греко-восточною, продолжали сохраняться и сохраняются доселѣ. Не такъ было въ Церкви православной—русской: находясь не малое время подъ управленіемъ патріарховъ, она вдругъ, вмѣсто правленія патріаршаго, принимаетъ управленіе сѵнодальное или соборное и уже

(¹) Патріархами первоначально назывались сыны Іакова, родоначальники двѣнадцати колѣнъ народа израильскаго. Послѣ разрушенія Іерусалима римлянами и разсѣянія евреевъ, это имя усвоено высшими духовными начальниками народа израильскаго.

Прим. ред.

болѣе ста лѣтъ руководствуется этимъ образомъ правленія духовнаго.

Что значитъ это? Какъ произошла и могла произойти такая перемѣна? Необходима ли она была для Церкви русской? Какъ дѣйствовалъ здѣсь Промыслъ ко благу Церкви?... Много и другихъ вопросовъ представляется внимательному наблюдателю судебъ Церкви русской—при взглядѣ на такое событіе въ ней, какъ уничтоженіе патріаршества и учрежденіе Сѵнода.

I.

Какъ совершилось *исторически* это дѣло? Въ 1700 году (октября 15-го) скончался десятый и послѣдній въ Россіи патріархъ Адріанъ. Для замѣщенія упразднившейся каѳедры патріарха Всероссійскаго, не оказалось бы недостатка въ людяхъ достойныхъ, какъ тотчасъ послѣ кончины Адріана, такъ и впослѣдствіи; таковы были: Стефанъ Яворскій, Димитрій Ростовскій, Ѳеофилактъ Лопатинскій и другіе; но Петръ I, рѣшившись преобразовать государство, хотѣлъ дать особый образъ управленія и Церкви русской. Однако, Петръ не рѣшился тотчасъ—разомъ уничтожить въ Россіи патріаршество и ввести въ Церкви русской управленіе сѵнодальное. Онъ зналъ, что уничтоженіе патріаршества дѣло и само по себѣ важное; учрежденіе его произошло съ согласія Церкви вселенской—соборомъ восточныхъ патріарховъ. Онъ видѣлъ, какъ привыкъ народъ любить и чтить лице патріарха, и опасался, чтобы поспѣшнымъ отмѣненіемъ патріаршества и учрежденіемъ

Синода еще болѣе не раздражить народъ, уже и безъ того раздраженный гражданскими нововведеніями, а здѣсь нововведеніе касалось Церкви.... Притомъ Петру, для блага преобразуемаго имъ государства, нужно было первѣе всего заняться преобразованіемъ прочихъ частей управленія—воинской и гражданской; измѣненіемъ управленія церковнаго, безъ особеннаго ущерба благу преобразуемаго государства, можно было и повременить. Петръ I рѣшился поступать здѣсь исподоволь, постепенно, осторожно, какъ и слѣдовало ожидать отъ его проницательнаго ума. По смерти Адріана, Петръ *по-видимому*, не прекращаетъ и не намѣренъ прекратить достоинство патріаршее въ Россіи: по волѣ Петра, представителемъ лица патріаршаго является Стефанъ, митрополитъ рязанскій; но Петръ даровалъ ему титулъ только *мѣстоблюстителя* патріаршаго. Очевидно, достоинство патріаршее на самомъ дѣлѣ уже не существовало: мѣстоблюститель былъ такой же архіепископъ, или митрополитъ, какъ и другіе,—онъ не могъ имѣть каноническихъ преимуществъ, усвоенныхъ патріархамъ; но для народа могло казаться, что патріаршество продолжаетъ еще существовать и въ лицѣ мѣстоблюстителя патріаршаго. Если о чемъ нибудь при этомъ онъ и недоумѣвалъ: то, въ продолженіе двадцатилѣтняго періода мѣстоблюстительства Стефанова, онъ такъ привыкъ къ этому новому, отличному отъ прежняго управленія патріаршаго, управленію мѣстоблюстителя, что и другая слѣдующая за этою еще большая перемѣна въ управленіи церковномъ — могла казаться для него уже не такъ поразительною, какъ бы это было при началѣ, тотчасъ по смерти Адріана.

Между тѣмъ Петръ, сколько могъ, окончилъ преобразованія своего государства, устроилъ его внутри и

извнѣ; пользу преобразованій не могли не сознавать уже и самые враги Петровы. Оставались неустроенными дѣла церковныя, и неустройство ихъ было тѣмъ яснѣе, чѣмъ виднѣе устройство дѣлъ гражданскихъ. Каковъ бы ни былъ мѣстоблюститель патріаршій, какъ бы ни были велики дарованія духа и сердца его; но онъ не могъ уже вести дѣлъ церковныхъ въ такомъ порядкѣ и съ такимъ успѣхомъ, какъ самъ патріархъ: мѣстоблюститель не имѣлъ власти патріаршей, особенно при Петрѣ, хотѣвшемъ быть вездѣ самодержавнымъ. Оказалось много неустройствъ въ Церкви русской: епархіи кіевская, новгородская, ростовская, смоленская оставались безъ пастырей; пастыри другихъ епархій, по старости и болѣзни, просились на покой. Мѣстоблюститель Стефанъ обращался къ государю съ просьбою объ исправленіи неустройствъ церковныхъ; но Петръ, съ одной стороны, былъ постоянно занятъ дѣлами гражданскими; съ другой — медленностію своею въ удовлетвореніи нуждъ Церкви хотѣлъ осязательнѣе показать русскому духовенству, что благоустройство Церкви можетъ зависѣть не отъ одного только лица—патріаршаго или мѣстоблюстительскаго, но и отъ соборнаго управленія его; нѣчто подобное этому управленію уже и было заведено въ учрежденныхъ Петромъ коллегіальныхъ управленіяхъ для дѣлъ гражданскихъ. Наконецъ, положено было Петромъ: для блага Церкви русской, учредить въ ней сvнодальное управленіе. Умный и ловкій помощникъ въ дѣлахъ Петровыхъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, по повелѣнію и мысли Петра, составилъ духовный регламентъ, или руководство для сvнодальнаго управленія Церковію русскою, основанное на правилахъ соборныхъ и отеческихъ и приспособленное къ тогдашнему состоянію Церкви русской. Когда все уже

было приготовлено къ учрежденію новаго образа правленія церковнаго, Петръ счелъ приличнымъ и нужнымъ созвать въ столицѣ соборъ русскихъ святителей — послѣдній временный соборъ, предъ наступавшимъ постояннымъ,—сколько для разсужденія о предположенномъ введеніи сѵнодальнаго управленія, столько, если не болѣе, для торжественнаго открытія его. Нѣтъ сомнѣнія, что присутствовавшіе на соборѣ не всѣ и не вдругъ согласились на предложеніе Петра...; но воля царя, поддержанная нѣсколькими духовными лицами, получила перевѣсъ,—и Сѵнодъ былъ открытъ, 1721 года января 21-го. Царскимъ указомъ обнародовано было учрежденіе Сѵнода во всемъ государствѣ; власть его равнялась власти прежнихъ патріарховъ и соотвѣтствовала власти Сената. Составъ его былъ изъ одного президента, которымъ былъ Стефанъ Яворскій, подвизавшійся и здѣсь еще для блага Церкви два года (до своей кончины), двухъ вице-президентовъ—Ѳеодосія новгородскаго и Ѳеофана псковскаго (Прокоповича) и нѣкоторыхъ другихъ архіереевъ, архимандритовъ и протоіереевъ.

Церковь русская приняла, по мысли Самодержца управленіе для себя синодальное, также какъ нѣкогда, по желанію другаго Самодержца, она приняла и управленіе патріаршее, хотя можетъ быть, и не съ такою, какъ тогда, радостію.... Что же? Ужели такую важную перемѣну въ своемъ управленіи Церковь русская рѣшилась произвести безъ соизволенія матери своей — Церкви греко-восточной? Нѣтъ, Церковь русская съ Церковію восточною издавна были въ самомъ тѣсномъ союзѣ и ни одно важное дѣло въ первой не совершалось безъ вѣдома и воли послѣдней. Не желая прерывать освященнаго древностію взаимнаго единенія церквей, Петръ неоднакратно обращался къ восточнымъ

патріархамъ съ просьбою о разрѣшеніи нѣкоторыхъ церковныхъ вопросовъ, неизбѣжно встрѣчавшихся при преобразованіи государства, какъ-то: о разрѣшеніи поста войскамъ, о принятіи иновѣрцевъ въ русскую Церковь, и другихъ. Тѣмъ болѣе теперь Петръ спѣшилъ испросить благословенія восточныхъ святителей такому важному, церковному дѣлу, какъ учрежденіе Сvнода. Онъ, сознавая благотворность своего предначертанія, не могъ сомнѣваться, что патріархи, какъ и прежде, дадутъ свое согласіе и благословеніе на учрежденіе Сvнода; а благословеніе Церкви восточной весьма много здѣсь значило для возвышенія важности Сvнода въ глазахъ народа русскаго, предъ лицемъ всей Церкви русской! Извѣстно, какъ невыгодно смотрѣла большая часть духовенства на преобразованія Петра и въ частности на введеніе сvнодальнаго управленія Церковію вмѣсто патріаршаго... (см. у Голик. 11, 73). Но теперь приверженцы патріаршества должны были успокоиться: дѣло человѣческое—Петрово, какъ учрежденіе Сvнода, благословеніемъ восточныхъ святителей, освящалось и являлось дѣломъ церковнымъ и даже божественнымъ. Если дорогъ былъ для народа патріархъ, какъ лице освященное и высокое; то такимъ же долженъ быть для него и Святѣйшій Сvнодъ, потому что святѣйшіе патріархи восточные именуютъ его равнымъ себѣ—«возлюбленнымъ о Христѣ братомъ». Наконецъ, относясь къ восточнымъ патріархамъ, Петръ, великій Государь и преобразователь, являетъ себя здѣсь предъ народомъ и самъ себя именуетъ «благо-послушнымъ сыномъ Церкви», который, отложивъ царское величіе, считаетъ своимъ священнымъ долгомъ спрашивать благословенія у патріарховъ вселенскихъ, какъ и его предшественники—цари всегда испрашивали онаго у нихъ и у сво-

ихъ патріарховъ — богомольцевъ. Въ какомъ свѣтломъ видѣ опять являлось предъ народомъ лице Петра—христіанина! Вспомнимъ, что преобразованія Петра и измѣненіе имъ древнихъ русскихъ обычаевъ народъ считалъ измѣною Вѣрѣ:—и вотъ Петръ свидѣтельствуется въ своемъ православіи и благочестіи предъ лицемъ Церкви восточной, и самъ получаетъ отъ нея такое же свидѣтельство; патріархи называютъ Петра «возлюбленнымъ и превожделѣннымъ»! (См. Цар. и патр. грам.). Такимъ образомъ, утвержденіе Святѣйшаго Сѵнода произошло совершенно законнымъ и каноническимъ порядкомъ!

II.

Нужно ли было въ Россіи измѣненіе патріаршаго управленія Церковію на сѵнодальное?

Въ христіанскомъ государствѣ Церковь и политическое общество находятся въ живомъ, тѣсномъ союзѣ: судьбы государства имѣютъ вліяніе на судьбу Церкви, и судьбы Церкви имѣютъ вліяніе на судьбу государства. Тѣмъ болѣе это должно быть въ царствѣ русскомъ, гдѣ Вѣра православная искони составляла одну изъ основныхъ стихій жизни русскаго народа. И такъ, вопросъ: нужно ли было измѣненіе въ Россіи церковнаго патріаршаго управленія въ сѵнодальное?—естественно распадается на слѣдующіе два вида его: а) нужно ли было измѣненіе патріаршаго управленія на сѵнодальное—*для блага русскаго государства*?—и б) нужно ли было такое измѣненіе *для блага самой русской Церкви*?

Легко было подумать, какъ и думали многіе, что главною причиною, по которой Петръ хотѣлъ измѣнить патріаршее управленіе Церкви на сѵнодальное, было

благо не столько Церкви, сколько государства, и преимущественно благо власти самодержавной. Петръ I опасался, что уваженіе, какимъ пользовался патріархъ у народа, можетъ быть въ ущербъ уваженія къ Государю, что при взаимныхъ какихъ нибудь разногласіяхъ между патріархомъ и Государемъ, простой народъ всегда приметъ сторону патріарха, а при случаѣ, подъ видомъ усердія къ Церкви, не умедлитъ нанести и явный вредъ власти предержащей. Въ Духовномъ Регламентѣ (въ началѣ Регламента) читаемъ такъ: «простой народъ не вѣдаетъ, какъ разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но великаго высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковый правитель есть второй Государь, Самодержцу равносильный, или еще и большій его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и се самъ собою народъ тако умствовати обыкъ. Что же, когда еще и плевельные властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хврастію огнь подложатъ»! Не трудно догадаться, на что изъ исторіи патріаршества намекаютъ эти рѣчи. Еще памятна была борьба, въ которую, волею не волею, вступилъ патріархъ Никонъ съ Царемъ Алексіемъ и въ которой явилъ онъ такое высокое мужество духа. Но нельзя было не замѣтить нѣкотораго прямаго противодѣйствія распоряженіямъ Государя и въ двухъ современникахъ Петра—патріархахъ Іоакимѣ и Адріанѣ. Іоакимъ, одинъ только годъ управлявшій Церковію, при державѣ Петра, скорбѣлъ уже духомъ объ умноженіи въ Россіи иноземцевъ и распространеніи иноземныхъ обычаевъ, и свои чувствованія излилъ въ духовномъ завѣщаніи, гдѣ умолялъ — чуждаться не только иноземныхъ обычаевъ, но и иноземцевъ. «Да ни какоже Государи Цари», читаемъ въ

завѣщаніи Іоакимовомъ, «да никакоже попустятъ кому христіанамъ православнымъ въ своей державѣ съ еретиками иновѣрцы, съ латины, Люторы, Кальвины, ихъ же гнушается Господь, и Церковь Божія, съ богомерзскими ихъ прелестьми, проклинаетъ, общенія въ содружество творити; но яко враговъ Божіихъ и ругателей церковныхъ тѣхъ удалятися да повелѣваютъ царскимъ своимъ указомъ... Благочестивыхъ царей молю и завѣщеваю предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, да возбранятъ по всякому образу въ ихъ государскихъ полкахъ надъ служивыми людьми и во всемъ ихъ царствіи проклятымъ еретикомъ, иновѣрцемъ быти начальникамъ; но да велятъ отставити таковыхъ враговъ христіанскихъ отъ таковыхъ дѣлъ всесовершенно.... И что таковые еретики проклятые воинству православному сотворятъ помощи? токмо гнѣвъ Божій»! и проч. (Цер. Рос. Ист. Плат. ч. II. стр. 274—6). Патріархъ Адріанъ еще болѣе могъ быть недовольнымъ на нововведенія Петровы, такъ какъ при немъ Петръ рѣшительно уже приступилъ къ преобразованію государства. До слуха царя часто доходили неблагопріятныя сужденія патріарха о его предпріятіяхъ. По случаю празднованія Петромъ новаго года, перенесеннаго имъ съ 1-го сентября на 1-е января, Адріанъ не могъ уже присутствовать и при совершеніи торжественной литургіи. Весьма непріятно было Государю и это предстательство патріарха за осужденныхъ на казнь и ненавистныхъ Петру стрѣльцовъ: «за чѣмъ ты пришелъ сюда» грозно сказалъ Монархъ патріарху, молившему, съ иконою Владимірской Божіей Матери въ рукахъ, о помилованіи преступниковъ, —«это ли счелъ ты своею должностію» (¹)?.. (Ист.

(¹) Къ чести великаго императора надобно однако замѣтить, что онъ принялъ патріарха, выслушалъ и послушалъ. *Прим. ред.*

Петр. Вел. Бергмана Т. I. стр. 150). Въ умѣ Петра образовался взглядъ на патріарха, какъ на представителя темной, *враждебной* ему старины. Что же оставалось дѣлать Петру? Петръ жаждалъ преобразовать Россію, и исторія показала, что это преобразованіе было благотворно и необходимо для нея въ государственномъ отношеніи. Но какъ успѣшнѣе бороться съ духомъ народа русскаго, не понимавшаго сущности и цѣли преобразованій Государя и сильно противившагося его предпріятіямъ? Въ числѣ недовольныхъ преобразованіями является и патріархъ, лице священное, высоко-чтимое народомъ,—лице, которому и сама власть предержащая дала наименованіе *великаго Государя*.... И такъ, могучей преобразовательной волѣ Петра, въ лицѣ патріарха, предстояла великая противодѣйствующая сила! Нужно было подчинить и ее своему вліянію. Какимъ образомъ? Высшую представительную власть Церкви— не только какъ власть, въ существѣ своемъ, богоучрежденную, но и какъ необходимую для блага Церкви и часто для государства (особенно въ критическія минуты его), уничтожить было нельзя. Предпріимчивый и проницательный умъ Петра находитъ такое средство, которое, не уничтожая въ существѣ высшей представительной власти церковной, измѣняетъ однакожъ ея внѣшнее положеніе:—то было учрежденіе сунодальнаго управленія русскою Церковію вмѣсто патріаршаго, перемѣна одного образа высшей власти на другой, равный ему по существу и нисколько не нарушающій каноновъ церковныхъ, — передача патріаршей власти изъ рукъ одного лица нѣсколькимъ іерархическимъ лицамъ. Теперь Петръ и преобразуемое имъ государство могли свободнѣе идти по пути преобразованій: препятствовавшая имъ высшая представительная власть церков-

ная, измѣнившись въ своей формѣ, измѣнялась и въ своей *внѣшней* значимости. Понятно, когда власть церковная сосредоточена была въ одномъ лицѣ, то она, отъ этого самаго сосредоточенія, представлялась сильнѣе и могучѣе извнѣ; но когда она вручена была многимъ лицамъ и раздѣлилась на нѣсколько частей, то она, отъ этого же самаго раздробленія, теряла свою *наглядно-внѣшнюю* могучесть. Говоримъ: «*наглядно-внѣшнюю* могучесть»: такъ какъ въ своей сущности власть сѵнодальная есть таже власть патріаршая, но только измѣнившаяся въ своей формѣ — вмѣсто одного лица усвоенная многимъ лицамъ. Такимъ образомъ учрежденіе Сѵнода есть одно изъ тѣхъ дѣйствій Петра, въ которыхъ видѣнъ его необыкновенный умъ: учреждая Сѵнодъ, Петръ дѣйствуетъ для блага государства, но старается сохранить и благо Церкви. Скажемъ болѣе: учреждая Сѵнодъ, Петръ I желаетъ умиротворить и Церковь и государство, показавшія—было нѣкоторое разногласіе; такъ, чтобы Церковь и государство представляли изъ себя одно возможно-стройное цѣлое.

Если же уничтоженіе патріаршества, или лучше — измѣненіе патріаршаго управленія Церковію на сѵнодальное нужно было для блага государства: то ужели въ самомъ дѣлѣ патріаршество *вообще* всегда и вездѣ было *враждебно* государству? Ужели оно въ самомъ дѣлѣ посягало на права власти самодержавной? Ужели въ самомъ дѣлѣ оно противилось просвѣщенію? Нѣтъ! Обозрѣвая исторію патріаршества, мы не можемъ не замѣтить, что русскіе патріархи являлись умными строителями, не рѣдко единственными спасителями государства, лучшими помощниками власти самодержавной, истинными ревнителями просвѣщенія. Іовъ и Гермогенъ одни поддерживаютъ порядокъ государства въ самыя

бурныя, несчастныя времена его, такъ что безпрекословнаго повиновенія имъ, можетъ быть, достаточно было бы для избавленія Россіи отъ всѣхъ бѣдъ; послѣдній, т. е. Гермогенъ, указалъ Россіи и то державное семейство, которое возвысило ее и изъ котораго произошелъ и самъ Петръ. Патріархъ Филаретъ является опытнымъ, умнымъ строителемъ взволнованнаго и потрясеннаго государства при юномъ и малоопытномъ Царѣ Михаилѣ. Никонъ, повидимому, является противникомъ власти самодержавной. Но развѣ Царь и государство мало видѣли попеченій Никона о благѣ ихъ до несчастнаго разрыва между Царемъ и патріархомъ, — разрыва, произведеннаго врагами патріарха! Сама же самодержавная власть, которой онъ былъ мнимымъ противникомъ, оправдала его. Низвергшій его Царь Алексій, при своей смерти, искренно раскаявается въ низверженіи Никона и проситъ у него прощенія, именуя его «отцемъ своимъ духовнымъ, великимъ господиномъ, іерархомъ и блаженнымъ пастыремъ», а сынъ и наслѣдникъ Алексія, Царь Өеодоръ возвратилъ Никону патріаршество и исходатайствовалъ ему разрѣшеніе отъ вселенскихъ патріарховъ. Что касается до ревности Никона о просвѣщеніи; то можно сказать, что на поприщѣ духовнаго просвѣщенія Никонъ хотѣлъ показать себя тѣмъ же, чѣмъ былъ Петръ на поприщѣ просвѣщенія гражданскаго. Да и вообще всѣ патріархи заботились объ умноженіи въ Россіи образованія истиннаго, христіанскаго, православнаго. Современный уже Петру, патріархъ Іоакимъ, такъ глубоко скорбѣвшій объ умноженіи въ Россіи иноземцевъ и иноземныхъ обычаевъ и съ такою недовѣрчивостію смотрѣвшій на нѣкоторыя, хотя и новыя, но приличныя и законныя явленія въ Церкви (какъ на проповѣди Симеона Полоцкаго и Четьи-

Минеи Димитрія Ростовскаго (Ист. Рус. Цер. Фил. пер. IV, § 21), завелъ однако въ Москвѣ славяно-греко-латинскую академію и вызвалъ изъ Греціи нарочитыхъ ученыхъ мужей (Лихудовъ). Послѣдній русскій патріархъ Адріанъ слишкомъ былъ недоволенъ преобразованіями Петра; но и онъ участвовалъ въ денежныхъ приношеніяхъ для созданія русскаго флота и радъ былъ побѣдѣ Петра надъ турками, одержанной новымъ флотомъ и новымъ войскомъ. А просвѣщенный трудъ св. Димитрія, не одобряемый Іоакимомъ, нашелъ въ Адріанѣ самаго достойнаго цѣнителя. Итакъ, патріархи оказали много услугъ и государству и власти самодержавной и самому просвѣщенію, о которомъ такъ заботился Петръ. Патріархи опасались только, чтобы отъ вводимаго Петромъ образованія не произошло новизны и въ Вѣрѣ.

Что же? Кто правъ, кто виноватъ? Мы видѣли, что уничтоженіе патріаршества, въ видахъ Петра—преобразователя, нужно было для блага государства; но видѣли также, что и патріархи желали и дѣлали благо государству. Какъ согласить такія противорѣчія? На чьей сторонѣ перевѣсъ истины? — согласить легко: истина на той и другой сторонѣ, но только нужно разсматривать ее не совмѣстно, а *послѣдовательно*. Дѣйствительно, нужно было для блага государства и патріаршество, и нужно было именно въ тотъ періодъ исторіи русской, въ которой оно существовало. Не будь патріаршества въ Россіи — въ XVII вѣкѣ, кто знаетъ, какія судьбы постигли бы русское государство, какая жизнь готовилась ему? достигло ли бы оно того состоянія, въ которомъ оно является послѣ временъ патріаршества? Патріархи—блюстители государства нужны были не только во времена безгосударныя, но и при закон-

ныхъ государяхъ — какъ совѣтники ихъ. Государство, какъ дѣло человѣческое, не скоро достигаетъ совершенства, оно испытываетъ прежде продолжительный періодъ юности и созрѣванія; между тѣмъ, Церковь Христова, какъ дѣло Божіе, сильная средствами божественными, всегда неизмѣнна въ существѣ своемъ, и хотя живетъ въ государствѣ и съ государствомъ, но всегда стоитъ выше его по своему премудрому устройству и Божественному ученію, — которыя она приняла свыше. Государство русское во времена патріарховъ проходило именно періодъ юности и созрѣванія; ему нуженъ былъ опытный руководитель, и такимъ являлась для него Церковь въ лицѣ высшей представительной власти — патріаршей. Эта власть, кромѣ своей прямой заботы о Церкви, брала на себя и другую заботу — о внѣшнемъ благѣ государства, и своею опытностію и мудростію достойно воспитала и возвысила русское государство. Но періодъ юности и воспитанія русскаго государства долженъ былъ кончиться: со временъ Петра, оно является столь сильнымъ и окрѣплымъ, что само уже начинаетъ распоряжаться своими внѣшними судьбами. Притомъ, принимая европейское образованіе и вступивъ въ кругъ европейскихъ державъ, русское государство начало заниматься такими дѣлами, которыя уже не приличны Церкви и ея власти; иначе предстояла ей опасность впасть въ заблужденія римской Церкви. Итакъ Церковь русская, или высшая представительная власть ея, должна была лишиться той *внѣшней* силы въ государствѣ, которую она имѣла во время патріаршества: она исполнила свое назначеніе въ отношеніи къ государству: скрѣпила, возвысила и утвердила его (по внѣшней жизни). И вотъ патріаршеская власть уничтожается, является сvнодальная. Лишившись внѣшней своей силы,

Церковь при этомъ нисколько, однако, не теряла своего внутренняго, существеннаго значенія и назначенія: воспитывать *духовно* членовъ государства, воспитывать ихъ душу и сердце; ибо Церковь осталась Церковію, какою была, измѣнилась случайная форма ея; духовная власть Сѵнода замѣнила собою власть патріарха. Пастырямъ Церкви русской сдѣлалось теперь тѣмъ удобнѣе духовное воспитаніе народа, чѣмъ свободнѣе они дѣлались отъ заботъ внѣшнихъ — государственныхъ. А лишенная своего единичнаго личнаго и, такъ сказать, выпуклаго средоточія, духовная власть Церкви тѣмъ успѣшнѣе будетъ дѣйствовать въ воспитаніи своихъ сыновъ, чѣмъ болѣе она раздѣлена между многими лицами и чѣмъ глубже чрезъ это проникла въ жизнь Церкви .. Что же касается до государства и его отношеній къ Церкви, при сѵнодальномъ ея управленіи; то оно, какъ бы въ благодарность за воспитаніе, полученное имъ отъ Церкви, приняло на себя болѣе противъ прежняго заботъ о внѣшнемъ благѣ самой Церкви, оставивъ ей по преимуществу заботу о внутреннемъ благосостояніи. Таково нынѣ отношеніе предержащей власти къ церковной сѵнодальной,—отношеніе, какъ видимъ, вытекающее изъ характера самой сѵнодальной власти церковной.

Нужно ли было измѣненіе въ Россіи патріаршаго управленія на сѵнодальное *для блага самой Церкви русской?*

Въ Духовномъ Регламентѣ мы находимъ нѣсколько причинъ, по которымъ за лучшее признается учрежденіе для Церкви русской сѵнодальнаго управленія вмѣсто патріаршаго; но главная мысль въ нихъ та, что сѵнодальное управленіе, какъ само удобнѣе можетъ открывать истину, такъ удобнѣе же можетъ утверждать ее и внѣ

себя. Въ частности, именно: сравнивая синодальное управленіе, состоящее изъ нѣсколькихъ лицъ, съ правленіемъ патріаршимъ, заключавшемся въ одномъ лицѣ, мы замѣчаемъ, что соборное управленіе вѣрнѣе открываетъ истину, потому что здѣсь одна и таже истина изслѣдуется не однимъ, а многими лицами; что синодальное управленіе дѣйствуетъ безпристрастнѣе, потому что если и можно иногда предполагать пристрастіе въ одномъ лицѣ, то нельзя же находить его у многихъ и всѣхъ, что синодальное управленіе дѣйствуетъ безостановочно, потому что изслѣдованіе дѣла однимъ лицемъ можетъ прерываться различными обстоятельствами сего лица—болѣзнію, смертію и другими неблагопріятными случайностями, а при многочисленности лицъ, отсутствіе одного замѣняется другимъ лицемъ, что рѣшенія синодальныя имѣютъ большую важность въ глазахъ другихъ, потому что рѣшенія эти произносятся не отъ лица одного, а отъ лица многихъ, которые имѣли возможность обсудить дѣло всесторонно, что Синодъ можетъ судить не только всѣхъ другихъ, но и своихъ членовъ, а это такое удобство къ безпристрастному рѣшенію истины, какое не можетъ быть при изслѣдованіи истины однимъ лицемъ, не дающимъ отчета никому, кромѣ себя ([1]), что, наконецъ, Синодъ представляетъ изъ себя какъ бы нѣкоторое училище духовнаго управленія, въ которомъ пастыри русской Церкви могутъ учиться право править слово божественной истины, потому что составъ Синода состоитъ изъ пастырей же Церкви (см. нач. Регл.).

([1]) Стоитъ только вспомнить, какихъ затрудненій для государства, какихъ издержекъ и хлопотъ стоило одно сужденіе о дѣлѣ Никона! *Прим. ред.*

Таковы были благотворныя намѣренія, которыя имѣлись въ виду при учрежденіи сунодальнаго управленія въ Церкви русской. Всматриваясь въ нихъ внимательнѣе, мы можемъ замѣтить, что въ основѣ ихъ лежитъ глубокая, великая, отрадная мысль: хотѣли, чтобы Церковь русская обезпечила за собою именно то, что свойственно Церкви Христовой — *истинность*, *непогрѣшимость*.... Церковь не можетъ заблуждаться, Церковь непогрѣшима не въ частныхъ лицахъ, а на соборахъ. Римскій патріархъ потому именно и впалъ въ заблужденіе, что свою личность поставилъ руководствомъ для Церкви. Мы не хотимъ сказать, чтобы Церковь греко-восточная, управляемая патріархами, потому самому всегда близка къ заблужденію; мы не хотимъ сказать, чтобы и Церковь русская во времена патріаршества не соблюла истины: и та и другая Церковь, и патріархи греко-восточные и русскіе, въ основаніе своего управленія Церковію, всегда полагали не личный произволъ, какъ римская, а *опредѣленія соборовъ*; сверхъ того, при каждомъ патріархѣ всегда былъ соборъ архіереевъ, архимандритовъ и пресвитеровъ, съ которыми онъ совѣщался о всѣхъ дѣлахъ, касающихся Церкви; потому-то Церковь православная тверда и незыблема. Мы намѣрены только сказать, что Церковь, на основаніи древнихъ соборовъ управляемая постояннымъ *живымъ* соборомъ пастырей ея, и такому собору вручившая высшую *видимую* представительную власть у себя, судя по обыкновеннымъ человѣческимъ соображеніямъ, и по примѣру первенствующей Церкви, болѣе защищена и обезпечена отъ погрѣшности, какъ вообще, такъ и въ этой *видимой* представительной власти: потому что только соборамъ Господь обѣщалъ даровать Духа истины, а Церковь русская при Сунодѣ—не только прини-

маетъ опредѣленія древнихъ соборовъ, но и сама постоянно управляется соборомъ же. Теперь понятно, какое важное благо могла пріобрѣсть Церковь русская измѣненіемъ у себя видимой представительной власти патріаршей—на синодальную: Синоду—собору удобнѣе хранить истину не только каноническую, но и догматическую, чѣмъ патріарху—лицу. Въ самомъ дѣлѣ, исторія патріаршества не только греко-восточнаго, но и русскаго, показываетъ, что то и другое не чуждо было по временамъ уклоненія отъ истины. Не только на востокѣ, но и у насъ появлялись лжепатріархи—отступники православія; таковъ былъ у насъ лжепатріархъ Игнатій (Ист. Р. Ц. Фил, пер. IV, § 22). Даже патріархи православные, по недоразумѣнію, могутъ иногда погрѣшать въ нѣкоторыхъ своихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ церковныхъ. Около временъ взятія Константинополя турками, нѣкоторые патріархи восточные склонны были къ латинству; у насъ—патріархъ Филаретъ велѣлъ, по недоразумѣнію, перекрещивать всѣхъ иновѣрцевъ (тамъ же у Фил. § 23). Не говоримъ уже о томъ, что для одного лица ошибка легка въ дѣлахъ *практическаго* управленія Церковію. Положимъ, что при патріархѣ могъ быть соборъ пастырей или синодъ, вспомоществующій патріарху въ управленіи Церковію: но вѣдь и въ синодѣ *de jure* первенствуетъ и управляетъ все патріархъ же.... Не такъ можетъ быть при томъ синодальномъ управленіи, которое установлено въ русской Церкви: здѣсь управляетъ Церковію не одно лице, но именно соборъ пастырей многихъ и равноправныхъ, здѣсь управляютъ Церковію всѣ пастыри ея, если не совмѣстно и единовременно, то преемственно и послѣдовательно, если не личнымъ присутствіемъ въ Синодѣ, то добрымъ совѣтомъ; здѣсь можетъ управлять Церковію

вся Церковь — не только изъ пастырей, но и изъ пасомыхъ.... Вотъ свѣтлая и весьма отрадная сторона, которая представляется сыну православной русской Церкви при взглядѣ на учрежденіе въ ней синодальнаго управленія вмѣсто патріаршаго ([1])!

Если же найдутся люди, для которыхъ приведенныя нами доказательства покажутся не вполнѣ убѣдительными и которые съ тайнымъ сожалѣніемъ воспоминаютъ о внѣшнемъ блескѣ Церкви при патріаршествѣ; то такимъ людямъ мы скажемъ: неужели такая важная перемѣна въ Церкви произошла безъ воли и намѣренія Божія? Въ рукахъ Господа судьбы царствъ и народовъ, тѣмъ болѣе въ рукахъ Его судьба Церкви Христовой, призывающей къ себѣ всѣ царства и народы. И если *во время воздвигаетъ* Онъ *потребное для блага государства*; тѣмъ болѣе во время даетъ Онъ потребное для Церкви, этого несомнѣнно-божественнаго учрежденія на землѣ. Изслѣдуя судьбы Церкви русской, мы замѣчаемъ, что Господь—всегда особеннымъ образомъ имѣлъ попеченіе о благѣ ея, — и когда насаждалъ ее среди народа языческаго и грубаго, и когда хранилъ ее въ смутныя, тяжкія времена междуусобій удѣльныхъ и ига монгольскаго, и когда защищалъ ее отъ сильныхъ властолюбивыхъ покушеній Церкви римской—при Іоаннахъ III и IV и особенно при лже-Димитріѣ. Господь неоднократно свидѣтельствовалъ Свою любовь къ Церкви русской, то посылая ей мудрыхъ пастырей, то прослав-

([1]) Мы смотримъ на учрежденіе синодальной или соборной власти именно съ этой—*идеальной* стороны ея. На практикѣ эта власть можетъ обнаруживать себя и иначе—не вполнѣ сообразно съ своей идеальной стороною, но это будетъ уже зависѣть отъ другихъ *постороннихъ* причинъ и вліяній, а не отъ самой власти синодальной, въ ея сущности или идеѣ.

ляя святость многочисленныхъ сыновъ ея, то умножая въ ней чудодѣйственныя знаменія. Вообще, если мы вѣримъ, что Церковь русская есть Церковь православная; то должны вѣрить, что на ней почіетъ особенное благоволеніе Создателя ея. Что же? Ужели Господь не пекся о благѣ этой Церкви тогда, когда совершалось въ ней такое важное дѣло, какъ перемѣна одной высшей представительной власти ея на другую? Вѣдь въ рукахъ этой власти судьбы ея.... видимыя.... Допустимъ даже, что при уничтоженіи патріаршества и учрежденіи Сvнода были у людей свои особенныя цѣли, свои личные виды, можетъ быть, благопріятствовавшія не столько Церкви, сколько государству...; но въ томъ-то и видна великая мудрость и любовь Божественнаго Хранителя Церкви, что Онъ и самыя, повидимому, не благопріятныя для нея обстоятельства и человѣческія распоряженія обращаетъ и устрояетъ къ лучшему для нея. А при учрежденіи сvнодальной церковной власти имѣлись въ виду, какъ мы видѣли, благія намѣренія для самой русской Церкви. Самая долговременность существованія этой власти въ *православно*-русской, слѣдовательно истинной Церкви Христовой не говоритъ ли уже въ пользу этой власти? И въ самомъ дѣлѣ, вотъ уже около полутора вѣка эта власть руководствуетъ русскую Церковь въ дѣлахъ Вѣры: а кто укажетъ, чтобы Церковь русская при сvнодальномъ управленіи уклонилась отъ истины? Погрѣшила ли она въ какомъ нибудь догматѣ? Изсякъ ли въ ней источникъ жизни божественной? Не чудодѣйствуетъ ли въ ней и теперь благодать Духа Святаго? А ея успѣшныя дѣйствія на чуждыхъ ей и враговъ ея? При заботливости Сvнода, не пріобрѣтаетъ ли она себѣ постоянно новыхъ чадъ между язычниками? Не возвратила ли она недавно (1839 года) въ свое лоно около двухъ

милліоновъ сыновъ своихъ, коварно отторгнутыхъ отъ нея римскою Церковію во времена патріаршества? А просвѣщеніе духовное—таково ли было въ Церкви русской при патріаршествѣ, каково при сѵнодальномъ управленіи? Можно ли послѣ этого сказать, чтобъ власть сѵнодальная, принесшая съ собою Церкви русской такъ много благихъ плодовъ, была установлена въ ней безъ воли Божіей? Можетъ быть, *изволися* не только людямъ, но и *Духу Святому*, когда Церковь русская для своего управленія, вмѣсто личной патріаршей власти, приняла власть сѵнодальную—соборную, которой собственно и обѣщалъ Господь даровать Духа истины.

III.

Какое *значеніе* имѣетъ учрежденіе сѵнодальнаго управленія въ судьбѣ *Церкви русской* и въ судьбѣ *Церкви вселенской*?

Мы уже видѣли, что съ учрежденіемъ Святѣйшаго Сѵнода Церковь россійская не только не потеряла истины или православія, но еще пріобрѣла новое ручательство въ сохраненіи его. Отсюда уже само собою видно то великое значеніе, какое могла пріобрѣсть Церковь русская—при сѵнодальномъ управленіи: она могла взойти на высшую степень величія и славы, какая свойственна Церкви Христовой на землѣ. Ибо степень величія Церкви опредѣляется вѣрностію ея истинѣ, а эта истина въ возможно совершеннѣйшей чистотѣ и полнотѣ можетъ сохраняться Церковію русскою — при сѵнодальномъ управленіи.

Въ какомъ отношеніи стала теперь Церковь русская къ родственной, единовѣрной Церкви восточной? Не безъ основанія скажемъ, что Церковь русская какъ до

учрежденія въ ней Синода, такъ еще болѣе послѣ учрежденія его, стала и стоитъ *во главѣ* восточной Церкви православной и значитъ—во главѣ Церкви *вселенской*, не присвоивая, однакожъ, себѣ никакихъ особенныхъ каноническихъ и догматическихъ преимуществъ, а только утѣшая и подкрѣпляя, изнемогающую въ бѣдствіяхъ, Церковь восточную — своею любовію и содѣйствіемъ. Обратимся къ исторіи судебъ Церквей греко-восточной и русской. Замѣчательно, что Церковь русская тогда именно соединилась узами вѣры и любви съ Церковію восточною, какъ римская Церковь уже отдѣлилась отъ единенія съ нею, и въ этомъ случаѣ Церковь русская какъ бы заняла мѣсто, отпадшей отъ вселенскаго православія, Церкви римской. Но тогда какъ Церковь русская приходила отъ силы въ силу; тогда какъ свѣтъ Вѣры православной болѣе и болѣе распространялся и сіялъ въ глубокомъ сѣверѣ; тогда какъ православная Церковь русская, казалось, достигла высшей степени величія, принявъ и для видимаго управленія своего постоянную власть соборную: Церковь восточная постоянно ослабѣвала подъ различными ударами враговъ; всякаго рода бѣдствія постепенно сгущались и омрачали нѣкогда христіански-свѣтлый востокъ. Изувѣрные чтители Магомета лишили ее внѣшней красоты, покрывъ ее язвами и рубищемъ; поклонники папы и послѣдователи Лютера постепенно отторгаютъ отъ нея сыновъ ея; страданіямъ ея, кажется, уже нѣтъ конца и мѣры.... Что же? Кромѣ Господа, куда обращается она съ своими надеждами на лучшее? Искони и теперь—къ Церкви русской, и только въ ней видитъ она защиту и спасеніе себѣ. Знаетъ это Церковь русская и потому всегда посылала братскую помощь Церкви восточной; но замѣчательно: именно со временъ учрежденія

въ Церкви русской Сѵнода Россія принимала и принимаетъ самое дѣятельное *политическое* участіе въ судьбѣ восточныхъ христіанъ, если не всегда прямо, то всегда косвенно, поражая и уничижая мучительницу восточныхъ христіанъ, турецкую имперію. Учредитель Сѵнода, Петръ I уже обнажаетъ мечъ свой противъ оттоманской имперіи. Преемники его съ великимъ успѣхомъ продолжаютъ начатое имъ дѣло. Императрица Анна дала почувствовать туркамъ всю силу русскаго оружія. Екатерина II нанесла турецкой имперіи рѣшительный, смертельный ударъ и въ мирныхъ трактатахъ даровала великія преимущества христіанамъ восточнымъ. Недавно царствовавшій Государь силою оружія подтверждалъ трактаты Екатерины и умеръ съ мечемъ въ рукѣ, поднятымъ какъ для другихъ цѣлей, такъ и для защиты Церкви восточной. А другія вспоможенія Церкви восточной собственно отъ самой Церкви русской и самаго Сѵнода, — вспоможенія, обратившіяся наконецъ въ постоянное правило? И кто знаетъ, что было бы съ Церковію восточною, что было бы съ Церковію вселенскою православною, если бы Господь не утвердилъ и не возвеличилъ Церкви русской?... Безъ превозношенія скажемъ, что въ Церкви русской сосредоточиваются теперь надежды Церкви православной, что Церковь русская поставлена теперь, по выраженію пророка, *стрещи стражбы ея* (1)....

ІЕРОМОНАХЪ АѲАНАСІЙ.

---

(1) Іезек. XLIV, 8.

ГРАМАТА,

присланная Іереміею, патріархомъ константинопольскимъ, всероссійскому Святѣйшему Сѵноду въ 1723 году.

Мѣрность наша, благодатію и властію Всесвятаго, животворящаго и совершенноначальствующаго Духа, узаконяетъ, утверждаетъ и провозглашаетъ, отъ Благочестивѣйшаго и Тишайшаго Самодержца, священнаго Царя всея Московіи, малыя и бѣлыя Россіи и всѣхъ сѣверныхъ, восточныхъ, западныхъ и иныхъ многихъ странъ обладателя, Государя, Государя Петра Алексіевича, Императора, по Духу Святому намъ возлюбленнаго и превожделѣннаго, въ россійскомъ святомъ великомъ царствѣ утвержденный Сѵнодъ. Есть и нарицается онъ нашимъ во Христѣ братомъ, святымъ и священнымъ Сѵнодомъ, отъ всѣхъ благочестивыхъ и православныхъ христіанъ, священныхъ и мірскихъ, начальствующихъ и подначальныхъ, и отъ всякаго лица сановнаго; и имѣетъ власть творити и совершати, елика четыре апостольскіи, святѣйшіи патріаршіи престоли. Воспоминаемъ, завѣщаваемъ и уставляемъ ему, да хранитъ и содержитъ неколеблемы обычаи и правила священныхъ, вселенскихъ, святыхъ седми соборовъ и прочая, елика содержитъ восточная святая Церковь. И да пребываетъ во вся вѣки неколебимъ. Божія же благодать, и молитва, и благословеніе нашея мѣрности да будетъ съ вами. 1723. Сентября 23-го.

Іеремія, Божіею милостію, константинопольскій патріархъ, во Христѣ братъ вашъ.

(Извлечено изъ «Духовной Бесѣды» 1862 года изъ № 36).

Печатать позволяется

Цензоръ А. *Макарій.* | Въ Типографіи Департамента Удѣловъ

2007050172